

IT'S TIME
BY PAVEL KOSTIN

Павел Костин

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Павел Костин
ВРЕМЯ ПРИШЛО

IT'S TIME
by Pavel Kostin

Russian Language Edition

www.urban-romantics.com
London

IT'S TIME

by Pavel Kostin

Russian Language Edition

Published by Urban Romantics
An imprint of Max Bollinger
27 Old Gloucester St,
London WC1N 3AX

info@urban-romantics.com
www.urban-romantics.com

Author: Pavel Kostin
Editor: Max Bollinger

First published in London,
United Kingdom in 2011

Copyright in Text © Pavel Kostin 2011
Pavel Kostin has asserted his right under
the Copyright, Designs and Patents Act, 1988,
to be identified as Author of this Work

© Urban Romantics 2011

All Rights Reserved. Without limiting the rights under copyright reserved above no part of this publication may be reproduced, stored in or introduced into a retrieval system or transmitted, in any form or by any means (electronic, mechanical, photocopying, recording or otherwise), without the prior written permission of the above publisher.

The greatest care has been taken in compiling this book. However, no responsibility can be accepted by the publishers or compilers for the accuracy of the information presented.

This book:

ISBN: 9781907832178 (ebk) Russian

Other Editions:

ISBN: 9781907832215 (pbk) Russian

ISBN: 9781907832185 (pbk) English

ISBN: 9781907832192 (ebk) English

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От Издательства</i>	5
<i>От Автора</i>	6
<i>1. Крылья Моего Ангела</i>	9
<i>2. Далёкая Красная Башня</i>	56
<i>3. Волшебство и Обезьяны</i>	95
<i>4. Обратная Сторона</i>	142
<i>5. Обретение</i>	163
<i>6. До Самого Дна</i>	204
<i>7. Тайна Моего Города</i>	229
<i>8. Моя Стена</i>	250

От Издательства

Перед вами книга одного из самых молодых современных русских писателей. Как она появилась в Лондоне в двух словах описать сложно. Павел приехал в этом году на лондонскую книжную ярмарку. Удивил свежестью, нестандартностью и романтикой своих идей. В этот же день, абсолютно случайно попал в руки черновик этой книги, и в этот же день нашелся и переводчик, Джеймс, такой же замечательный как и Павел. После прочтения книги, она просто вдохновила на издание. Все остальные технические проблемы, которых было не мало, просто исчезали одна за другой сами.

Надеемся, что эта книга приоткроет и вам дверь в загадочный мир творчества, мир молодого поколения с новым взглядом и новыми идеями. Сможем ли мы понять эти идеи и этих героев? В любом случае, желаем вам интересного чтения и море новых ощущений. А может вам захочется испытать себя в роли стрит-арт художника? Восьмая глава зарезервирована для вас. Это ваша стена.

Max Bollinger
Urban Romantics
London

От Автора

Эта книга о том, как много нового и волшебного может открыться человеку, если он осмелится разорвать скучную жизненную рутину и взглянуть на окружающий мир новым взглядом. О городской романтике, в которой есть и тайны, и опасность, и необычные герои, и конечно о городе. О том самом городе, в котором живёт большинство из нас, и, одновременно, совсем о другом. Об обратной стороне города; о секретах, которые могут таиться в знакомых, сто раз виденных вещах.

Герои этой книги – художники. Не совсем обычные – городские художники. Они рисуют граффити и увлекаются стрит-артом, а значит – нарушают закон (а художественное граффити, как это ни печально, практически во всех странах считается нелегальным занятием). Они не всегда ведут себя хорошо. Уж простите. Но такие они есть. И многие из них очень похожи на моих друзей. Так уж сложилось.

Эта книга – не «ужастик». И не «мистический триллер», как это любят называть. Я не хочу вас пугать. Но путь, которым художник становится художником – у каждого свой. Порой он бывает трудным. Часто – неприятным. Иногда – страшным. И уж точно каждый художник скажет вам, что без магии тут не обошлось.

А ещё эта история о любви. О страстной, бескорыстной любви. Это может показаться смешным и наивным в современном мире... да и пусть. Эта книга о том, что какие бы

испытания не уготовила нам жизнь, если в сердце своём ты романтик, если ты умеешь любить, то всё получится. Ты справишься. Верь.

Понимаю, что вам не терпится уже перейти к чтению, но отниму ещё одну минутку. Важную минутку. Конечно же, такая книга не могла появиться на свет без помощи многих, очень многих людей. Если бы я мог отблагодарить всех и рассказать о вкладе каждого в эту книгу, получилась бы ещё одна глава. Жаль, у меня нет такой возможности! Так что... благодарю всех, без чьей помощи эта книга не появилась бы! Отдельное спасибо хочу сказать моему английскому издательству Urban Romantics и редактору Максусу. Также я должен отблагодарить моего доброго друга, русскую писательницу Ольгу Славникову за помощь и поддержку во всех моих начинаниях. Именно благодаря ей и русской литературной премии «Дебют» у меня появилась возможность опубликовать свои первые книги на русском и английском языках, и возможность встретиться с Максусом на Лондонской книжной ярмарке 2011. Спасибо, Ольга! Отдельной благодарности заслуживает и Джеймс Ранн, переводчик, с помощью которого мои персонажи смогут в ближайшем будущем заговорить по-английски.

Павел Костин
Калининград

*Посвящается А. В.
Светлая тебе память*

Стена 1

Крылья Моего Ангела

– Маааакс! – кричала она, надрываясь, – ААаа Мааакс!
Звонкое эхо билось о стены домов. Реверберация. Красивое слово, если подумать.

– Маааакс! – в голосе слышалось отчаяние, – Макс, милый, стой, пожалуйста, спускайся!

И в самом деле? Зачем я это делаю? Нет, ну зачем я это делаю? Ведь если посмотреть со стороны, это очень похоже на... Бред. Может, я рехнулся? Я ведь ничего не помню. Странно, я совсем ничего не помню. Это важно? Если абстрагироваться. И посмотреть со стороны. Отец всегда учил меня смотреть со стороны. Учил, учил. А толку? Вот он я, сижу на крыше здания, болтаю ногами, смотрю вниз, не знаю, что тут делаю. Ла-ла-ла.

– Макс. Пожаалуууустааа! Пожалуйста, не надо. Что бы таааам ни... Онооо... – у мамы остановилось дыхание.

Я не мог разглядеть её лица, но думал, что она беззвучно плачет. Чудовище. Что ты делаешь с матерью, а? Что ты вообще делаешь.

В конце улицы заорали сирены. О, ну замечательно. Только этого тут не хватало.

Я сидел на краю крыши панельной десятиэтажки, болтал ногами и смотрел вниз, бессмысленно улыбаясь. Жаркое городское лето натопило воздух, налило солнечного тепла, а теперь пряталось в ночь, и я с интересом наблюдал за собирающимся случиться закатом.

– Привет, – сказали мне из-за спины.

– Привет, – ответил я. – Ты спасатель?

– Неа, – ответили мне и голос был явно женский, даже де-

вичий.

– А кто? – спросил я, не оборачиваясь. Что-то как-то неинтересно мне было, кого они прислали.

– Леди Ф.

– Леди Ф?... – ответ несколько секунд пытался уложиться в моё сознание, устраиваясь то так, то эдак, и не смог. Пришлось обернуться.

За моей спиной стояла прекрасная юная девушка, и, улыбаясь, смотрела на меня. Младше меня, кажется (а мне двадцать пять, если что). Я смотрел на неё и ничего не мог придумать.

– Тебе не нравится имя? – Улыбаясь, спросила она.

– В таком случае, какое имя ты бы мне дал?

– «Красота!» – выпалил я, и она засмеялась.

– Спасибо!

– Ты странно одета, – сказал я, и это было правдой.

На ней было что-то вроде белой тоги. Белая такая накидка. Золотые сандалии на босу ногу и золотой поясок. И вроде всё. Ещё у нее были рыжие волосы и ослепительные зелёные глаза. Девушка внимательно и весело наблюдала за мной.

– Отчего же? – ответила она. – Одежда, как одежда.

– Да, правда. – Согласился я.

На краю сознания мелькнула мысль, что я очень по-дурацки себя веду, но сейчас мне было уже не до этого. По-дурацки и по-дурацки. Всем плевать, если подумать. И мне плевать.

– Тебя правда так зовут? – спросил я.

– Ага. Правда, – сказала она. – Если это важно.

Я пожал плечами.

– Любишь закаты? – спросила она.

– Люблю, – сразу согласился я.

– И я люблю. Мне идут закаты.

Я засмеялся.

– А я их просто люблю ... Тебя сюда кто-то прислал? – прямо спрашиваю.

– Нет, – просто ответила она. – Никто специальный. Если ты об этом.

– А зачем ты тут тогда?

Она поморщилась.

– Не люблю я причины, Макс. Я тебе мешаю?

Я подумал.

– Нет. Не мешаешь. Мне даже приятно с тобой разговаривать.

– Вот и славно ...

Она подошла ближе.

– Мне вообще, Макс, не нравится вопрос «зачем». Глупый, ненужный вопрос. Все самые замечательные вещи делаются не «зачем», а «почему».

– Разве?.. Как же, – неожиданно для себя возразил я,

– Вот инженер строит плотину. ГЭС. Зачем он её строит? Чтобы был свет.

Она мягко улыбнулась.

– Я не буду спорить, Макс. Это ты сейчас так думаешь. А потом будешь думать по-другому. Это тоже из серии «почему», между прочим.

– Между прочим, – механически повторил я вслед за ней.

После этого рука моя соскользнула с бетонной каемки на краю крыши, я резко качнулся, и сердце замерло.

Она схватила меня за руку и удержала. Я смотрел вниз. Все вдруг стало очень реальным. Теплый бетон. Закат. Крики моей мамы внизу. Мне стало немного страшно.

– Спасибо, – сказал я.

– Пожалуйста, – ответила она и улыбнулась.

Очень у неё была светлая, солнечная улыбка. Потрясающая прямо. Глаз не оторвать.

Я осторожно встал с бетонной каемки и пошёл спускаться. Уже на дне, закрывая глаза от поцелуев матери по всему лицу, я вспомнил, что попрощаться забыл. Ну в шоке я был, что вы хотите. Тут любой забудет.

...

Солнечный луч полз по стене кабинета. Движение было невидимым, неуловимым, потому что очень медленным, но если приметиться к отражению света на стекле диплома, то можно было углядеть, как за десять минут засветка сдвигалась немного к краю. А ещё через десять минут – ещё немного.

– Саш, ты же умный парень.

– Макс.

– Да, извини... Макс, ты же умный парень – Мягко говорил Дмитрий Александрович, – Вот представь себя со стороны...

Я посмотрел на него.

– Это вам кто такое говорил? – поинтересовался я.

– Какое «такое»?

– «Посмотреть на себя со стороны».

– Ну это же обычное дело... – мягко продолжил Дмитрий Александрович.

Он мог говорить мягко часами. Профессиональное.

– Посуди сам, Максим. Хороший, умный, нормальный!.. – он многозначительно подчеркнул слово «нормальный», – парень вдруг ни с того ни с сего делает непонятные глупости. В туннели лазит. На крышу забирается непонятно зачем.

Я молчал, механически кивая. Просто соглашаясь. Дмитрий Александрович немного выждал.

– Хорошо, – сказал он. – Представь так. Вот у тебя есть друг. Миша. Представил?

– Представил, – ответил я.

– Ага. И вот тут этот твой Миша вдруг неожиданно забирается на крышу и садится на край. И чуть ли не спрыгивает с этой крыши. Вот скажи, что ты подумаешь?

– Что он свихнулся, – ответил я.

Дмитрий Александрович поджал губы.

– Нет, ты представь, что он твой друг. Миша. Толковый, нормальный, славный парень. Вот такой, как ты. И вдруг он выкидывает эдакую кулебяку. И что? Ты его знаешь столько лет, а он вот тут – на тебе. Вот серьезно, подумай. Что такое могло у Миши произойти?

Я честно подумал.

– Ну, стряслось у него, наверное, что-нибудь. Наркотики. Или девушка. Или постыдное что-то про него выяснилось.

– Правильно. Очень логично, – закивал Дмитрий Александрович, – и вот твоя мать так же думает. Наркотики, девушка...

– А вы что думаете? С профессиональной точки зрения.

– А я вот, Максим, выяснить пытаюсь. Почему вот это с тобой такое происходит. Или вот выпущу я тебя отсюда, а ты завтра опять на крышу заберешься. И уже не спустишься потом сам. А я тут не увидел. Не выяснил и не досмотрел. Ну, наркотики, положим, я сразу отмечаю. Симптоматики не наблюдается, да и не такой ты человек, чтобы с этим дерьмом связываться. Так?

– Так.

– Насчет девушки – пока сказать не могу. Тебе ведь тоже уже не девятнадцать. Двадцать пять. Какой-никакой возраст. Университет позади, работаешь. У тебя, кстати, проблем не будет на работе?

– Не будет. – ответил я. – Я типа в отпуске.

– Хорошо... Так что насчет девушки. Мучает тебя кто-нибудь?

– Не мучает, – сказал я, и сразу вспомнил про Леди Ф.

Где она сейчас? Зачем говорила со мной?

– Точно? А то ведь такое дело, что, бывает, мучает, а ты сам про это и не догадываешься. Вот кто тебе вообще нравится из девушек знакомых. Назовешь кого?

– Да не особо. Да нет, Дмитрий Александрович, не припомню. Я вообще мало что помню. Почти ничего. И точно ничего, о чём хотел бы говорить.

Дмитрий Александрович помолчал, затем снял очки и потер переносицу.

– Ну что ж, Максим, понимаю. Может быть и такое, что человек не уверен насчет своей сексуальности. Очень распространенная ситуация, между прочим. То есть, он сам не уверен...

– Не, Дмитрий Александрович. Все окей, – сказал я. – У меня и девушка была. Мы встречались долго.

– Всё-всё, умолкаю!.. – Дмитрий Александрович оживился и надел очки. – А давно вы расстались? Нравится она тебе?

– Неа, – сказал я. – Это было сто лет назад. Не помню. И думать об этом не хочу.

– Ну а что тебе нравится, Максим? – пытливо спросил Дмитрий Александрович.

Я перевёл взгляд на него.

– Нравится мне, Дмитрий Александрович, когда асфальт тёплый. Когда солнце так нагреет за день, что дотронешься ладонью – и горячо. И маленькие трещинки в асфальте, и солнечный день с ясным небом, когда никуда не надо спешить, и можно забраться куда-нибудь, где никого вообще нет, но тепло и ясно, и кормить голубей и размышлять ни о чём. Нравится мне, когда солнце тонет в дальних силуэтах зданий, и весь город становится оранжевым, как апельсин, и хочется раствориться в этом цвете так, чтобы насовсем, и еще нравится смотреть на небо, на высокие прозрачные облака, и ощущать, на самом деле ощущать, что можно взлететь прямо туда. Что так действительно бывает. Не в фантазиях, не понарошку, не в мечтах, а физически можно туда взлететь, на самом деле, и это хоть сейчас, но забыл как. Нравится когда простор, и далеко видно, когда равнина или далекая дорога, и очень много неба, и чувствовать, что реальность – вот она рядом, до нее дотронуться можно, и нужно с ней что-то сделать, что-то для чего ты сам предназначен, что ты умел когда-то давно, и будешь уметь в будущем, но пока – забыл напрочь, и мучаешься от невозможности сделать это что-то, и хорошо очень от того, что это такое вообще есть. Нравится ехать куда-то, без конца и без начала, когда новая дорога появляется за горизонтом, и чтобы с тобой был кто-нибудь ещё, а лучше – двое, и чтобы они трепались между собой о чем-то смешном, а ты мог слушать и улыбаться, и смотреть себе на дорогу, и любоваться бесконечным небом. И нравится, когда большие, огромные деревья громко шумят листвой, неспешно качаясь, и ты прямо видишь, какие они огромные и под ними свой собственный целый мир. И мороженое нравится ещё.

Дмитрий Александрович снова снял очки и потёр переносицу.

• • •

Виктор странный. Кое в чем. То есть, я тоже странный, но я вообще странный, неконкретно, а Виктор – вполне конкретно. Во вполне специальных вещах. Виктор любит фотографировать очень странные штуки. А потом делает из этого особые

фотографии. То есть, точнее, дело даже не в том, что он фотографирует какие-то странные, необычные штуки, а в том, что он их не фотографирует. А вместо этого фотографирует самые обычные места. Кусок дороги, например. Или автомобильную шину. Не какой-нибудь достопамятный кусок дороги, и не какую-нибудь шину из аварии, а натурально самый что ни на есть обычный, рандомный кусок дороги и абсолютно ничем не примечательную шину ничем не примечательного автомобиля.

Обычно это выглядит так. Мы идем, беседуя о чем беседуется. Кино там, или девушки, ну о каких-то никак не связанных с будущей фотографией вещах. И вдруг Виктор видит этот самый обычный кусок дороги, у него переключивается, и он бросает все и мчится фотографировать этот кусок, даже не договорив. Пример.

Идем мы сегодня утром, трепемся.

– ... и после этого они тебя выпустили?

– Ага. Таблетки назначили пить.

– Пьешь?

– Неа. Попробовал из любопытства – неа. Голова тяжелая, делать ничего не хочется. Хотя не беспокоит ничего.

– А заставили обещать что?

– Ну, формально заставили. Что тут обещать. Я ж и не сделал...

Виктор срывается с места и идет к примыкающей пешеходной дорожке, на ходу судорожно расстегивая футляр камеры.

Я замолкаю, и терпеливо жду. Я привык.

Виктор фотает кусок тротуара. Ничего, решительно ничего необычного на этом куске тротуара – нет. Камешки, травка, трещины. Всё. Прохожие озираются. Наверное, со стороны это похоже на работу криминалистов. Типа, здесь убили кого-то, а теперь улики собирают. А меня, наверное, за следователя принимают. Я на секунду представил это, и вдруг меня позабавил тот факт, что будь я на самом деле следователем, а Виктор – криминалистом, то в эту самую секунду мы занимались бы абсолютно тем же и ничем, вообще ничем не отличались бы от нынешних себя. То есть, мы в этой реальности и мы в

реальности, в которой я являюсь следователем, а Виктор – криминалистом, на какой-то отрезок времени бы безусловно совпали. Странная мысль.

Камера у Виктора хорошая, дорогая. Ей можно было бы фотографировать свадьбы или щенят. За деньги. Но вместо этого он фотает куски дороги и кору деревьев. А потом он еще и печатает все эти куски дороги, и выбирает «удачные». А работает он вообще... барабанная дробь... дизайнером промтоваров. И не каких-нибудь дизайнерских кресел или автомобилей. Обычных таких, повседневных, негламурных промтоваров. Например, он проектирует мангалы. Или садовые столики со стульями. А что вы хотели? Мангалы тоже надо проектировать. Чтобы они от жары не гнулись, чтобы ножки держались крепко, чтобы дырочки для вентиляции располагались в нужном месте. И чтобы это все еще разбиралось и собиралось. Серьезная работа. Большой завод. Цеха и офисы с инженерами. Специальная программа, офис, кабинет, кресло. И Виктор.

На самом деле, благодаря ему меня и взяли туда же. Правда, на дизайнера мангалов я не тяну. Я работаю охранником. Глупо звучит, конечно, но официально именно так. Вернее, сам завод охраняет специальная фирма с крутыми ребятами, а я так: слежу, чтобы все цеха были закрыты, отгоняю автокары, куда надо, и хожу по пустым коридорам, закрывая форточки и двери, чтобы можно было поставить офис на сигнализацию. Сторож, короче. Но я всем говорю, что охранник. Хотя охранник звучит не намного лучше. Но вообще платят ничего, нормально так. Завод большой, работы много. Хоть и устаешь иногда.

По асфальту шаркнули. Я обернулся и увидел Леди Ф. Она опять была в своей тоге и сандалиях. Я даже не удивился, только обрадовался.

- Привет! – сказал я.
- Привет! – сказала она. – Как ты?
- Очень хорошо, – ответил я, – А ты как?
- А я – всегда хорошо, – и она улыбнулась.
- У тебя красивая улыбка, – сказал я.

Она кивнула и посмотрела на Виктора. Я тоже на него посмотрел. Виктор фотографировал свой кусок дорожки и больше ничего по сторонам не видел.

– Он странный, – сказал я. – Но хороший. И умный.

– Это бывает, – согласилась она. – Я вообще тебе кое-что передать пришла.

– От кого? – спросил я.

– Да ни от кого... Так. От меня. – Она тряхнула своими рыжими волосами.

– Ого. Круто! И что же?

– А вот что: следи за лучом света.

– Следить за лучом света? Мне?

– Да. Тебе. Будешь?

– Буду. Обязательно!..

– Хорошо! – Она подмигнула мне. – Увидимся?

– Увидимся!

Она повернулась и пошла прочь. Я смотрел ей вслед, наблюдая за её легкой походкой, когда ко мне подошел Виктор, укладывая камеру.

– И что ты обещал?

Я недоуменно посмотрел на него.

– Ну, что обещал, чтобы выпустили?

– А... Да так, ничего. На крыши больше не лазить.

– Резонно. Хорошая просьба, хорошее обещание. Не придерёшься. Нарушаешь?

Я усмехнулся и похлопал его по плечу. И мы пошли дальше.

• • •

Я резко затормозил и встал у обочины. Посмотрел в зеркало. Да, это была она, сомневаться не приходилось. Ксюха. Оксана, в общем. Мы учились вместе, и немного приятельствовали. А теперь она голосует на обочине в забытом поселке далеко от города. Я сдал задним ходом, подъехав ближе к ней.

Она неуверенно всмотрелась в меня, улыбнулась и прыгнула в машину.

– Привет, Макс! Поехали!

– Куда?

- Не куда, а откуда! Вот ты куда едешь?
- Я к бабушке с дедушкой еду, на восток области.
- Вот и прекрасно! Жми!

Я нажал. Машина быстро набрала скорость и посёлок остался позади.

– А ты что тут делаешь-то? – спросил я, поглядывая в зеркало.

– Ой, да там... – Ксюха махнула рукой. – История тоже.

– Гуляла?

– Типа того. Гуляла. Вчера в «Манго» с девчонками.

– А девчонки где?

– Девчонки в «Манго» остались. А я познакомилась с одним. Нормальный вроде парень. Угощал, танцевал, зажигали, в общем. А потом поехали кататься.

– Кататься, значит.

– Ну типа. Сам знаешь. Обнимашки-обжимашки. Ничего такого, да и протрезвела я слегка. Приехали в итоге сюда. Поздно уже, часа три. Ну и он начал приставать. А я что-то как-то не хотела. Ну и он говорит, иди-ка ты тогда на улицу ночевать.

– А ты?

– Ну, пришлось переспать. А сейчас встала, и уехать захотелось. Вот, вышла на обочину.

– Что, прямо так и переспала?

– В смысле, прямо так? Ну, да – переспала. А что мне, в поле ночевать? Да и выпила я.

Мне почему-то стало смертельно обидно, хотя еще пять минут назад я и думать не думал ни о какой Ксюхе, ехал себе по своим делам, и ничего к ней никогда особенного не питал. Ну все равно просто свинство какое-то. Ну зачем спать с такими сволочами? Она может мурьжить человеку мозги месяц, а потом переспать с каким-то заведомым придурком, потому что так фишка легла. Свинство...

– Леди Ф никогда бы так не сделала!

– Кто?

– Неважно... И что ты теперь будешь делать?

– С чем?

– С этим. Встречаться, что ли, будешь?
– Ты с ума сошёл?! Да как можно встречаться с таким уро-
дом?!
– А как с ним можно спать?..
– Слушай, ну ты сейчас прям как моя мама... Всё! Это в
прошлом, я не хочу говорить об этом! Ну переспала и пере-
спала!
– Сколько за тобой Виктор ухаживал? Два месяца, три?
– Бляха-муха! Ну ухаживал и ухаживал! Ну не нравится он
мне!
– А этот нравится?
– Нравится?! Да я его ненавижу!
– Зачем же было...
– Так! Стой! Останови машину!
– Я довезу до автобусной остановки, – сказал я.
Я довез её до остановки. Мы молчали. Красивый закат был
тогда, облака малиновым окрасились.

• • •

Тишина, одиночество, я на крыше цеха. На заводе выход-
ной, никого нет. Я несу свою одинокую вахту, гуляя по боль-
шой пустынной территории. Вот, забрался на крышу. Цех
высокий, с восьмизэтажный дом. Увеличьте железный гараж
в десять раз и поймете, как он выглядит. Большая зелёная ме-
таллическая коробка с пятнами ржавчины.

Вид с высоты – потрясающий. Метрах в двухстах – река и
порт. Корабли даже отсюда кажутся огромными и это очень
красиво: большие корабли на синей глади реки. Река и вправ-
ду синяя, но не потому, что вода чистая, а просто под этим
углом отражается небо, а небо сегодня без единого облачка.

Все это вместе кажется очень реальным, настоящим. Зна-
чительным! Чистые краски, большие формы. Вот когда смо-
тришь на это, кажется, что реальность можно потрогать. Не
объект, как реальность, а реальность, как объект.

– Трудно объяснить! – говорю я вслух.
– Что именно?.. – спрашивает Леди Ф.
Я молчу некоторое время.
– Я сумасшедший? – спрашиваю я.

– Буквально или метафорически? – осторожно интересуется Леди Ф.

– Буквально. Я сошёл с ума, там, на крыше? Ты воображаемая?

– Нет, – уверенно отвечает она.

Я оборачиваюсь. Она по-прежнему в белых одеждах и сандалиях. Свежий ветер здесь, наверху, слегка шевелит её рыжие волосы.

– Я очень даже себе настоящая, – улыбаясь, продолжает она. – Почему ты спрашиваешь?

– Ну. Понятно же. Ты вполне могла встретиться мне и там на крыше и в городе, но здесь... Ты не могла попасть на территорию, не говоря уже о том, чтобы незаметно подняться сюда наверх.

– Это почему же?.. – уперев руки в бёдра, спрашивает она. – У меня легкий шаг!

– Снежок бы залаял! – отвечаю я.

Мы с Леди Ф смотрим вниз, туда, где черной точкой посредине асфальтовой равнины спит на солнышке собака Снежок.

– Да и вообще, ведь было бы странно, – уже увереннее говорю я. – Чтобы так появляться, тебе бы надо было преследовать меня постоянно! Вот почему я и решил, что я тебя придумал.

– Ты себе льстишь! – Обижается она. – Поверь, я очень даже реальна. И от твоего воображения, и вообще от тебя никак не завишу!

– Ну извини, – я пожимаю плечами. – А что я должен думать?..

– А ты не думай, – отрезает она. – Я здесь не просто так, поверь. Я не создание чьего-то разума! Не твоего уж точно. Ты про луч света помнишь?

– Помню...

– Вот и не забывай! А вот тебе ещё кое-что. Запомни это для меня, ладно?

– Ладно...

– Красные пятерки – шаг вправо.

– Что?! – изумился я.

– Красные пятерки – шаг вправо, – терпеливо повторяет она, будто объясняя очевиднейшую вещь.

– Я... я не понимаю.

– А ты и не понимай. Ты запомни. Не надо думать пока, повторяю. Отвлекись от этого пока, ладно? Лучше расскажи, что тебе так трудно объяснить.

Я медлю, собираясь с мыслями.

– Ну, это же трудно объяснить!.. Я лишь попробую.

Она ждёт, с улыбкой глядя на меня. Я, периодически запинаясь, начинаю объяснять.

– Я очень странно воспринимаю окружающий мир. Я не сразу это понял. Очень трудно понять, что ты иначе воспринимаешь мир, потому что тебе не с чем сравнивать. Это как если бы ты видел одним глазом зелёный, как красный. Откуда бы ты знал, что ты видишь цвет ошибочно? То есть, как определить эталон, если никаких источников, кроме твоих собственных глаз, у тебя нет? Да и вообще. Откуда знать, что твой зелёный совпадает с зелёным окружающих? Вдруг то, что ты видишь зелёным, на самом деле все другие видят красным. Что такое для тебя зелёный? Цвет листы. Ты его запоминаешь, и всю жизнь думаешь, что это – зелёный. А если она на самом деле красная для всех других? Этого никак не определить, никак...

– Интересно, – сказала Леди Ф.

Она и в самом деле слушала с интересом.

– Вот. А зелёный – это просто маленький пример всего. Ведь всё, что ты знаешь и чувствуешь, ты вынес только из личного опыта. От звучания скрипки до ощущения пробуждения ото сна. И вот недавно я понял, что воспринимаю реальность не так, как все остальные. Наверное, на той крыше, где мы с тобой встретились. Я это по косвенным признакам понял. Я давно подозревал, что тут что-то не так, но раньше думал, будто просто заморачиваюсь. Будто я просто думаю об этом больше, чем нужно. А недавно понял – нет, это на самом деле я вижу по-другому. Восприятие по-другому работает. У меня примерно такое было с кожей. Понимаешь, мне раздражают кожу шерстяные вещи. И вообще все такие же, ворсистые. Не

могу носить просто, дискомфорт страшный. Прямо хочется разорвать и сбросить, ну не могу. И так далее. Мне всё детство мама, и бабушка, и тётки твердили, что это всё глупости, что это я сам себе придумал. «Все носят, а тебе кажется». И я верил. Мучался, носил. Потом, как вырос, носить перестал, но по-прежнему считал, что это я себе придумал заморочку такую. На психологическом уровне. А потом – бац, во взрослом уже возрасте узнал, что у меня у отца – та же самая проблема. То же самое. И всё сразу стало понятно, что это на самом деле у меня кожа такая. И ничего я себе не придумал! А просто вот так. Вот все так ощущают, и могут носить шерстяное, а я – иначе. Я не могу. На самом деле, без психологических заморочек.

– Мило, – засмеялась Леди Ф, – с кожей мило! А с реальностью что?

– А с реальностью то же, что и с кожей. Я её ощущаю иначе. И точно так же думал, что это у меня просто заморочки такие. И что ощущаю я то же самое, что и все, только придумал себе чёрт знает что.

– А теперь?

– А теперь – нет. Понимаю, что у меня на самом деле иначе. Ну, может, не я один такой, но у меня восприятие отличается. И вот это тоже очень трудно объяснить.

– А ты попробуй. – Сказала Леди Ф, – Мне интересно.

– Попробую... Понимаешь, вот глядя вот на это все, – я обвёл рукой порт и реку, – я вижу всё это по отдельности. Не как пейзаж или картинку. А по отдельности. И корабль, и реку, и волны, и чаек. И слышу тоже. И чувствую. Очень буквально, будто внутри себя. Безо всяких физических законов, связывающих это всё. Как будто у меня зум на фотоаппарате направлен сразу на всё одновременно, и это всё сразу в моё сознание одновременно врывается. Вот даже то дерево.

Я указал рукой на иву вдали, и Леди Ф посмотрела на неё.

– Поэтому я не люблю, когда тесное пространство, например, густой лес, и очень люблю, когда равнина и много неба. Потому что мало всего лишнего, а то что есть – оно большое и значительное. И когда я один, и много этого свободного пространства, то всё кругом в моем восприятии словно зависает...

Замирает! Будто капля воды, готовая сорваться, и я всё это очень чувствую внутри себя. Я могу так три часа просидеть. Вот как здесь сейчас. А вот людей я не чувствую. Не чувствую связей между ними, их отношения. Не чувствую социум и социальные отношения, как дополнительный слой реальности...

– И тебе нравится то, что ты так видишь? – серьезно спросила Леди Ф.

Я подумал.

– Не знаю. Это просто так есть. Мне нравится чувствовать окружающий мир в такие моменты, как сейчас. Это так...

Мы помолчали с ней, глядя на корабли. Большие пухлые облака плыли над гладью реки, отражаясь в воде, и эта синхронность завораживала меня. Облака отражались в воде, а корабли в небе – нет. Магия.

– Волшебнo... – сказал я.

• • •

Мы сидели с Ксюхой на скамейке у озера и ругались. Непонятно, как вообще мы оказывались вместе. Мы не встречались, и я бы не сказал, что особо дружили. Просто мы как-то периодически случались рядом и общались. Лирического подтекста я при этом не чувствовал, а это очень замечательно, когда есть приятельница, с которой не чувствуешь лирического подтекста. Полезно очень.

В данный момент я Ксюху распекал.

– Ну и как вот так можно выбирать мужиков?.. – спрашивал я. – Зачем вот вы, женщины, выбираете черт знает кого?..

– Да не выбираем мы! – вяло отбивалась Ксюха, – Это оно само как-то всё происходит. С кем-то происходит, а с кем-то – нет, вот и все...

– Ну это ведь неправильно, ты же сама понимаешь!

– Слушай, Макс, завязывай! Такого я за свою жизнь знаешь сколько наслушалась! Советчик нашёлся. Тоже мне, отец семейства – сам-то холостой уже сколько! И вообще, чего ты ко мне прицепился? Влюбился, что ли?

– Не говорите ерунды, милейшая, – сказал я. – Обидно просто всё это. Свинство. Чем сильнее вытираешь о женщин ноги, тем сильнее они на тебя ведутся. А если начинаешь от-

носиться по-человечески, так сразу теряют интерес. Вот зачем ты, лично ты так поступаешь, а?

– Да не поступаю я никуда, – грустно сказала Ксюха, – Я ж говорю, оно само так получается. Я даже не знаю, как вот рассказать это по-нормальному. Тебе вот кажется, что я плохая и всё делаю неправильно. А ведь у меня нет выбора, какой быть. Я такая, какая есть. И я вовсе не пытаюсь делать всё плохо и неправильно. Наоборот, я очень пытаюсь быть хорошей и замечательной. И ещё немного счастливой. А получается, как получается.

– А по уму делать не пробовала?

– Пробовала, – кивает Ксюха, – Глупости выходят. Тут у меня какая вечно дилемма. Если по уму – то не получается быть счастливой. То есть, всё хорошо, но интереса к происходящему – нуль целых, нуль десятых. А если не по уму, то... все равно как-то, конечно, плохо всё заканчивается, но так хоть счастливой иногда получается побыть.

Я отворачиваюсь. Возразить мне нечего. Это её жизнь.

• • •

Как рождается город? Есть теории, да. И легенды. Бывает даже точная информация, как появился тот или иной город. Например, его основал древний король. Или город родился в результате слияния нескольких древних поселений. Или вырос из небольшой крепости. Или наоборот – пришли варвары, один город разграбили и смели, а следующий построили прямо поверх руин.

Но у меня не получается верить во все эти теории. Хотя, в общем, я допускаю, что их придумали умные люди и не просто так.

Я вижу город похожим на живой организм. И он растёт сам. Возникает и тянется чуткими линиями, разрастается сеткой дорог. Набирает клетки домов и кварталов. Город сам зарождается из мёртвой материи, оживая. Вчера еще – это кучка несвязанных домов, а завтра – это уже город. И едва он возник, как он начинает дышать самостоятельно, и всё, что появится внутри и снаружи города, будет его частью. Даже ты сам.

Поэтому все города живут по единому закону. Да, у каждого своё неповторимое лицо, душа, тело. Города различны, как различны меж собой люди. Но нарисуй карту любого города, взглядишь в него, и сразу уже станут заметны общие черты, части, узоры, как одинаковы человеческие органы в анатомическом атласе. Организмы городов живут и дышат по единым законам, как живут и дышат по единым законам человеческие организмы.

И что интересно: насколько этим городским законам подчиняюсь я сам? Я – клетка города. Вольный или невольный участник его внутреннего метаболизма. Моя жизнь в той или иной степени определена потребностями и интересами города. В какой?

Рыбка в коралловом рифе не задумывается о своей роли в многотысячном миреке подводного царства, но пытливый ум учёного давно определил: не будь рифа, не было бы ни корма для рыбки, ни её самой, а назначение этой рыбки – быть, скажем, «санитаром рифа» и служить кормом для мурен. Рыбка, разумеется, может взять и уплыть из рифа, чтобы умереть с голоду в одиночестве или, напротив, попасть в аквариум коллекционера и прожить безбедную рыбью жизнь в неге и роскоши, но изменит ли это общий закон существования рифа? Нет.

• • •

Мы сидим с Виктором на бетонном парапете над тротуаром, пьём пиво и болтаем ногами. Невысоко, метра два, но люди, проходящие внизу, кажутся маленькими, и недовольно глядят на нас снизу вверх.

Между нами стоит открытая банка солёного арахиса, а пиво в руках немного тепловато. Погода – хорошая. Облака, но не дождь; не слишком жарко, но и не холодно, а впереди выходной, и, как ни крути, а в целом – хорошо.

– Не люблю я людей, – вдруг ни к селу ни к городу замечаю я.

– А они тебя?.. – резонно спрашивает Виктор.

– А они меня – не знаю. Они ж не вместе. Они по отдельности. По отдельности – кто как.

– И за что ты их не любишь? – Спрашивает Виктор.

Чувствуется, что ему не прям уж так интересно, но знаем мы друг друга давно и общаться в целом можем, так что – Виктор поддерживает разговор.

– Да ни за что конкретно, – отвечаю, – Я не то, чтобы испытываю к людям какую-то неприязнь, а просто – дикий я. Некомфортно мне с незнакомыми.

– Ну, хоть это замечательно. А то я уж думал, тебе и со мной...

– Не, с тобой все окей. А вот так с другими – некомфортно. Окажусь я в незнакомой компании – ни разу не комфортно. При этом каких-то конкретных претензий у меня ни к кому из людей нет вообще. Я вполне допускаю и даже уверен, что все окружающие – добрые, славные, хорошие люди. А я, может быть, даже наоборот – не очень-то славный и не слишком хороший. Но мне рядом с ними – неудобно. Повторюсь, претензий нет никаких. Просто биологическое такое ощущение дискомфорта.

– Плохо тебе... – лениво замечает Виктор.

– Плохо, – соглашаюсь я. – А одному – хорошо. И с друзьями – хорошо. А вообще с людьми – плохо.

– Вообще, это ненормально, знаешь ли!.. – с удовольствием констатирует Виктор. – Как тебе плохо-то? Тошнит, что ли?

– Нет, не тошнит... Да просто так не очень. Скучно, что ли. Будто в очереди стоишь, вот такое же ощущение.

– Ну в очереди ты же за чем-то стоишь? Терпишь ради чего-то?

– Терплю, – опять покорно соглашаюсь. – А ради чего – не знаю...

• • •

Я потом много раз вспоминал, как это произошло. И в первые дни после, и когда учился управляться со своим новым талантом. Всё впустую. Сколько бы я ни анализировал, ни ловил закономерности и предчувствия, случившееся оставалось тайной, волшебным всплеском среди серой воды бытия, магией.

Лучше всего я запомнил, безусловно, упавшее мороженое. Оно было белым и очень сладким на вид даже тогда, когда